

Книги Алексея Пехова
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ПОД ЗНАКОМ МАНТИКОРЫ
ТЁМНЫЙ ОХОТНИК
ПЕРЕСМЕШНИК
ЛОВЦЫ УДАЧИ**

Цикл
«ХРОНИКИ СИАЛЫ»

**КРАДУЩИЙСЯ В ТЕНИ
ДЖАНГА С ТЕНЯМИ
ВЬЮГА ТЕНЕЙ**

ЦИКЛ «ВЕТЕР И ИСКРЫ»

**ИСКАТЕЛИ ВЕТРА
ВЕТЕР ПОЛЬНИ
ЖНЕЦЫ ВЕТРА
ИСКРА И ВЕТЕР**

ЦИКЛ «СТРАЖ»

**СТРАЖ
АУТОДАФЕ
ЗОЛОТЫЕ КОСТРЫ**

В соавторстве с Еленой Бычковой
и Натальей Турчаниновой

**ШАНС
ЗАКЛИНАТЕЛИ**

Цикл
«КИНДРЭТ»

**КИНДРЭТ. КРОВНЫЕ БРАТЯ
КОЛДУН ИЗ КЛАНА СМЕРТИ
ОСНОВАТЕЛЬ
НОВЫЕ БОГИ**

В соавторстве с Андреем Егоровым
ПОСЛЕДНИЙ ЗАВЕТ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСЕЙ ПЕХОВ

ЗОЛОТЫЕ КОСТРЫ

РОМАН

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П23

Серия основана в 1992 году
Выпуск 807

Художник
В. Бондарь

Пехов А. Ю.

П23 Золотые костры: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 441 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1335-5

Суровую зиму предвещают ледяные ветра с гор. Она придет с метелью и холодом, скрывая в снежной круговерти смерть. Где-то там, за вьюгой, мимо уснувших лесов, опустевших полей и заброшенных погостов, идет по ночным трактам темный кузнец. Никто не знает, кто он, как выглядит и чего хочет.

Людвиг ван Нормайенн со спутниками Проповедником и Пугалом спешат по его остывающему следу.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1335-5

© Пехов А. Ю., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

История первая РАСПЯТЫЙ

Мальчишка торопился и нервничал. Это было видно по его напряженной спине, по тому, как он шмыгает носом, то и дело оборачивается, с затаенным страхом проверяя, не передумал ли я.

— Наверное, бедняга живет среди жестоких людей, — с печалью произнес Проповедник и уточнил: — Ребенок ждет, что ты рассмеешься ему в лицо и обманешь. А может, еще и тумака отвесишь, чтобы не был наивным и не верил обещаниям таких проходимцев, как ты.

Я ничего ему не ответил. В первую очередь для того, чтобы не волновать моего проводника. Он и так испуган тем, что рядом с ним страж.

На границе между Бробергером и Чергием, где дремучие леса соседствуют с Хрустальными горами, а в долинах ютятся забытые богом хутора, таких, как я, не пускают на порог. Здесь считается, что людей, способных общаться с невидимыми собеседниками, коснулось дыхание зла. Короче, Братство тут любят примерно так же, как пастухи волков, которые режут бесценных овец.

— А вдруг он тебе наврал? — пришло в голову Проповеднику, и он даже остановился, потрясенный такой мыслью.

— Не похоже, — сказал я и продолжил для недоуменно обернувшегося мальчишки: — Не похоже, что близко от деревни. Мы далеко ушли.

— Недалече осталось, господин. Во-он на том склоне он лежит.

Сын лесоруба, облаченный в рваные портки и длинную лняную рубаху, показал на поросший грабами холм.

Ребенку было около одиннадцати лет. Худое, загоревшее за лето лицо, выцветшие на солнце волосы, облупившийся

нос, конопушки, яркие, немного настороженные, но смысленные глаза.

— Хорошо. Веди дальше. Если не соврал, получишь свой грош.

Он торопливо кивнул, радуясь, что я не передумал, и поспешил вперед. По широкой, вытопанной коровами тропе, через большой скошенный луг, к быстрому извилистому ручью. Через него проложили дорожку — цепочку притопленных камешков, по которым мой провожатый ловко, ни на мгновение не останавливаясь, перескочил на противоположный берег. Остановился, дожидаясь меня, да еще и предупредил:

— Осторожнее, господин! Вон тот, пегий, шатается малость.

— Экий заботливый отрок. — Проповедник, хоть и не мог намокнуть, по старой привычке подобрал рясу и перешел ручей вброд, не потревожив воды. — Если честно, Людвиг, ты давно уже должен был ехать с дилижансом дальше, а не идти на поводу у своего любопытства. Мало ли кто что придумал. Теперь следующего ждать месяц.

Здесь он прав. В такую дыру кареты заезжают не часто. Но я не боялся задержек. Как только все решу — пойду напрямик, через предгорья. Там вполне хорошая дорога, она приведет меня к Вилочкам, где легко можно купить лошадь, чтобы продолжить путешествие.

— Я уже предвкушаю прогулку по глухомани, — между тем продолжал мой спутник. — Жизнь тебя ничему не учит. В последние два раза, когда ты оказывался в диких местах, столкнулся с визаганом, призрачными монахами и целой стаей голодных старг. Даже не знаю, кто из них был хуже.

Стража, как и оборотня-ругару, кормят ноги. Проповедник шляется со мной уже который год, но до сих пор не может привыкнуть к тому, что чаще всего мы оказываемся вот в такой вот дыре, на очередной дороге, далеко от больших гордов.

Я поправил лямки рюкзака, впивающиеся в плечи, поморщился, когда левое на мгновение стрельнуло слабой болью. Один ловкий цыган, прежде чем умереть, ткнул в меня кинжалом, и, если бы Мириам не привела свою знакомую старгу, я бы так быстро не поправился.

Проповедник, который после кое-каких событий не лю-

бил кровопийц, обладающих сильнейшим даром целительства, тогда задумчиво сказал:

— Теперь я понимаю, почему церковь не истребила этих иных существ. Хорошо иметь при себе послушного вампира, способного вылечить чирей. То что нужно каждому уважающему себя клирику. Да и некоторым князькам тоже не помешает. Корми раз в месяц каким-нибудь еретиком или преступником и ходи без всякой срамной прогансунской болезни. Очень удобно.

Я перебрался через ручей, и мы стали взбираться на холм по тропе, сильно засыпанной опавшей листвой. Снизу подъем казался не таким уж и крутым, но холм возомнил себя чуть ли не Монте-Розой — самой высокой вершиной Хрустальных гор. Отвесный склон, да к тому же еще и довольно скользкий, стал настоящим испытанием, и я старался беречь дыхание, слушая, как кровь стучит в ушах.

Проповедник посмеивался и скакал вокруг меня едва ли не вприсядку. Это была его маленькая месть за то, что я не внял его слезным мольбам и вылез из дилижанса, услышав разговор местных мальчишек.

Сын лесоруба привел меня на каменистую площадку, с трех сторон окруженную старыми грабами. Отсюда открывался довольно неплохой вид на долину, лежащую в двух сотнях ярдов под нами, на ручей — голубой лентой вливающийся в широкий пруд, с другого края оканчивающийся самодельной плотиной, на которой сейчас удили рыбу мальчишки. На яблоневые сады, серо-желтые деревенские крыши и похожую на колокольчик маковку церкви.

На поляне нас ожидало Пугало, которое пропадало где-то целую неделю и наконец соизволило показаться на глаза. За время отсутствия оно несколько не изменилось — все такое же угрюмое и несимпатичное, как и прежде. Старый, истрепанный военный мундир, одутловатая голова-мешок со злобными глазками и зловещей ухмылочкой, порядком поизносившаяся соломенная шляпа, ну и серп конечно же. В общем, темный одушевленный, который мог бы испугать своим внешним видом до почечных колик всех, кто бы его увидел. По счастью, обычные люди избавлены от лицезрения этой сущности, а я уже давно привык к своему спутнику.

Пугало с интересом посмотрело на ребенка и с некоторой долей задумчивости проверило остроту серпа большим паль-

цем левой руки. Затем покосилось на меня и сделало вид, что любит окрестностями.

— Людвиг, а мальчишка-то не соврал. — Голос Проповедника в кой-то веки звучал без всякого ехидства.

— Господин, это здесь. — Мой провожатый показывал на то, что находилось рядом с узловатыми древесными корнями.

Скелет. Точнее, отдельные кости. Они были старыми и лежали здесь не год и не два. Череп торчал в выемке между корней, сильно засыпанный осенними листьями, и я видел лишь желтый краешек носовой кости и глазницу. Ребра растащены, часть разгрызена — лесные жители нашли себе хороший обед и ужин. Берцовая кость коричневой палкой торчала под углом из земли, бедренная обнаружилась у меня прямо под ногами, шагах в восьми от черепа. Плечевая была сломана пополам, опять же чьими-то зубами.

— Тут, — на всякий случай сказал мальчишка, внимательно следя за выражением моего лица.

— Я вижу мертвого. Таких костей много в лесах, на полях и в придорожных канавах. Они не делают мертвеца стражем, — проронил Проповедник и скривился, когда Пугало заглянуло мне через плечо. — А вот и наш падалыщик подошел.

Одушевленный, как это бывало и раньше, слова старого пеликана пропустил мимо ушей, провел костлявой рукой над коричнево-желтым ковром листвы, ткнул в него длинным пальцем.

— Ты уверен, что мертвый был стражем, малец? — спросил я.

— Да, господин. Так старшие мальчишки говорили. Кинжал у него точно видели.

— Его забрали?

— Нет, господин. Кто же кинжал стража трогать будет, если он проклят и приносит несчастья? Сапоги взяли и... другое, а кинжал где-то здесь валяется.

— Деревня мародеров, — буркнул Проповедник. — Хорошо, что они верят во все эти приметы с кинжалами. Иначе бы как пить дать сперли и его.

Я подошел к тому месту, где крутилось Пугало, начал разрывать листву, отложив в сторону несколько спинных позвонков. Когда из земли появилась тазовая кость, я нашел то, что искал, — кинжал в очень простых кожаных ножнах с дву-

мя заклепками и медной бляхой там, где они должны были крепиться к поясу.

Я узнал их сразу, даже не очистив грязь.

Эти ножны я купил в Лисецке много лет назад, когда меня еще учила Мириам.

Я сел на корень, рядом с Пугалом. Мальчишка переминался с ноги на ногу, и я протянул ему обещанное — золотую монету, огромную ценность для этих мест. Он, все еще не веря в то, что я сдержал слово, попробовал ее на зуб.

— Получишь еще одну такую. Прямо сейчас. Если ответишь на мои вопросы.

Его глаза стали круглыми. Он явно решил, что все стражи сумасшедшие.

— Конечно, добрый господин.

— Когда ты нашел кости?

— Старший брат нашел, не я. Я еще маленьким был.

— Страж приходил в вашу деревню?

— Нет. Он с гор шел. — Мальчик махнул рукой за холм. — С перевала Горрграт, наверное.

— Что говорили о том, как он умер?

— Человек давно лежал, уже нельзя было понять. Одни болтали, что у него здесь была рана, а другие, что здесь. — Он ткнул себя в грудь, затем в живот и поспешно сдул воображаемую болячку с руки в лес, чтобы она не пристала к нему.

— Почему же кости до сих пор брошены так? Не похороненными?

Мальчишке не понравился мой вопрос, было видно, что отвечать не хочет, но золотой грош был гораздо важнее.

— Так ведь он стра... — Он осекся. — Отец Гженек запретил. Сказал, что...

— Говори. Не бойся.

— Уши надерете, — шмыгнул носом тот.

— Не надеру.

Он подумал и выпалил:

— Сказал, что мерзкой твари не место лежать в святой земле, рядом с селянами. Гнить ему под небом, кормить воронье. И ходить сюда запретил, чтобы проклятие не подцепить.

— И не ходят?

— Только самые смелые.

Смелым, надо полагать, был он. Я дал ему еще одну монету, предпоследнюю из тех, что у меня оставались при себе, и

отпустил. Мальчишка юркнул ловким горностаем, побежал вниз, довольный и счастливый.

— Мне стыдно, что есть такие священники, — проронил Проповедник.

— Здесь никогда не любили стражей, — ответил я, все еще держа кинжал в руках.

— Ты знал беднягу? По лицу вижу — знал.

Я дернул плечом, показывая ему, чтобы помолчал. Его трескотня сейчас совершенно не к месту. Посмотрел на краешек черепа, торчащий из-под листвы, и сказал:

— Ну, здравствуй, Ганс. Наконец-то я нашел тебя.

В последний раз я видел друга в Арденау, после того как старейшины предупредили его, что больше не станут терпеть неповиновение. Но Ганс плевать хотел на их предупреждения.

— В мире полно темных душ, дружище. По счастью, я не завишу от наших кислых политиканов и делаю то, что считаю нужным. Передавай привет Гертруде, — сказал он и умчался по пыльной дороге.

Он не вернулся через год. О нем ничего не было слышно и через два. Никто из наших не встречался с ним. Я и Львенок исследовали множество дорог, побывали в десятках мест, смогли проследить его путь до Фирвальдена, но так и не нашли ответа на вопрос — куда пропал Ганс?

Гертруда и Кристина, Иосиф, Шуко и Розы — многие из нас искали его. Все оказалось бесполезно.

— Мир велик. И опасен, Людвиг, — как-то сказал мне Иосиф, сидя на песчаном, окрашенном кровью прошедшего сражения речном берегу. — Стражи пропадали и прежде. И будут пропадать. Ничего удивительного. Наша работа слишком опасна. Смирись с тем, что случилось с твоим другом. Двигайся дальше.

Но меня не оставляла надежда, что он все-таки жив. Чудеса порой случаются. Иногда стражи исчезали и на более длительное время, а затем вновь появлялись в Арденау, рассказывая о далеких странах и своих приключениях.

Но на этот раз чуда так и не произошло.

Старина Ганс, мой самый лучший друг, тот, с кем во время обучения в школе мы были не разлей вода, нашел свое пристанище на холме, среди старых молчаливых деревьев, по-

близости от людей, которые оставили его кости на милость дождя и ветра.

В деревне, как видно, уже знали, где я был и что нашел. Женщины отворачивались и уходили в дом, мужчины — большие и кряжистые, как медведи, сжимали кулаки и провожали взглядами. Никто ничего не спрашивал, никто не преграждал дорогу, но даже Проповедник сказал:

— Как бы не было грозы. Два пистолета тебя не спасут.

— Я уйду прежде, чем они наберутся смелости, — ответил я.

Дом я нашел без труда — он был самым большим и богатым на улице. Краснолицый мужик лет пятидесяти уже ждал меня на крыльце вместе с двумя сыновьями. Эти были точно такими же, как он, — широкоплечими и настороженными.

У того, что помладше, в глазах прятался страх, но он старался держаться решительно и, если я замыслил худое, не дать отца в обиду.

— Ты — староста?

Человек пожевал губами, неохотно выдавил:

— Ну?

— Мне нужна лопата.

Пугало, предвкушавшее славную драку, услышав мои слова, раздраженно пнуло подвернувшуюся под ноги свинью, и та с душераздирающим визгом понеслась по улице.

— Принеси, — сказал хозяин младшему сыну. — Там, в сарае. Быстрее.

В тяжелой тишине прошло несколько минут. Вернувшийся парень отдал мне лопату, избегая смотреть в глаза, сделал шаг назад.

— Ты ведь не хочешь, чтобы я пришел в твою деревню снова?

Староста отвел глаза, с упрямством произнес:

— У нас нет темных душ. Тебе нечего здесь делать.

— Но я вернусь, если кто-нибудь тронет могилу. И в следующий раз так просто никто не откупится.

Ответа дожидаться не стал. Пошел прочь по улице, обратно к холму.

Меня все так же провожали взглядами, но не лезли. Лишь когда я проходил мимо церкви, безумный священник с неу-

хоженной бородой и вытаращенными глазами наскочил на меня с крестом:

— Отправляйся в ад, исчадие тьмы!

Он брызгал слюной, махал руками и не желал пропустить меня. Я не любил таких людей — их необразованность, помноженная на религиозное рвение, рождает страх. И этим страхом они заражают всех вокруг, точно блохи, разносящие чуму.

— Пошел вон! — с холодной яростью сказал я ему.

— Слугу божьего гонят! — заверещал тот и замахнулся на меня крестом.

Я выставил вперед черенок, защищая голову, и клирик ударил по нему с такой силой, что не удержался на ногах и упал на землю. Когда я уходил из деревни — он что-то выл у меня за спиной и грозил карами своим прихожанам за то, что они не желают стать орудием божьего гнева.

Обратная дорога на холм показалась длиннее, чем в прошлый раз. Не отдохнув, я начал рыть могилу под деревьями, сперва разбросав в стороны осенние листья. Проповедник пришел, когда я уже выкопал яму глубиной по колено.

— Они сюда не идут, — сообщил он мне. — Решили не связываться.

— Хорошо. — Я продолжал работать.

— Но Пугало... — Он не стал продолжать.

— Что Пугало?

— Оно крутится вокруг церкви и не расстается с серпом.

— Оно никогда с ним не расстается.

— Людвиг, ты знаешь, о чем я!

— Знаю. И чего ты от меня хочешь, тоже знаю.

— Ты что, не собираешься его остановить?

Я посмотрел на него долгим взглядом.

— Да перестань! — всплеснул он руками. — Даже такой человек, как этот святоша, не заслуживает смерти!

— У меня такое чувство, что ее заслуживает каждый из нас, — возразил я ему.

— А если оно его убьет?

— Даже Пугало должно есть.

— Послушай меня, старого дурака! — взмолился тот. — Сейчас ты зол на то, что он запретил хоронить твоего друга. Но люди темны и невежественны. Не делай того, о чем потом будешь жалеть!

Я выругался сквозь зубы, отбросил лопату в сторону и начал спускаться. Пугало я встретил на середине пути. Оно, задрав голову, наблюдало за тем, как с дерева срываются желтые листья. Его серп блестел, и на нем не было ни капли крови.

— Ложная тревога, — сказал я Проповеднику.

Пугало посмотрело на нас, как на придурков. Мол, нашли причину для беспокойства.

— Ну проверить-то стоило, — проямлил старый пеликан, увидел мое злое лицо и замолчал.

Я закончил рыть могилу, когда наступил полдень. Последний этап работы оказался самым сложным — внизу были древесные корни, пришлось постараться, чтобы глубина ямы доходила мне до бедра.

С находкой костей помогало Пугало. Те, что скрывались в листе и я не мог видеть, оно обнаруживало без труда — тыкало пальцем в нужном направлении. Когда останки Ганса оказались в могиле, я засыпал их землей, вытащил из ножен свой кинжал, срубил ближайшее тонкое деревцо и из двух палок соорудил неказистый могильный крест.

— Он был хорошим человеком и стражем, — торжественно произнес Проповедник.

— Ты его не знал, как же можешь это утверждать? — удивился я.

— Ну... о мертвых обычно так говорят, — смутился он. — Гм... Лучше я произнесу молитву.

Он прочитал заупокойную, и я подумал, что в последнее время мой спутник уже не в первый раз так провожает стража.

Я посидел еще немного, не желая спешить и вспоминая, как во время Лисецкого бунта мы вылавливали в беснующемся городе тварей. Как Ганс подрался с Шуко из-за Розы, еще когда мы учились. Как мы сдавали свой последний экзамен на кладбище и как потом старейшины вручали нам наши кинжалы.

Я завернул его клинок в тряпицу, убрал на самое дно рюкзака. Когда окажусь в цивилизованных краях — сдам его на уничтожение.

Проповедник тихонько кашлянул, отвлекая меня от тяжелых мыслей.

— Пора выходить. Путь к Вилочкам не близкий. Чем раньше мы отправимся, тем быстрее сядем в дилижанс.

— Я не иду в Вилочки.

— Как это? — удивился он. — Ведь это ближайший город. Постой! О нет. Я знаю такой взгляд! Ты что задумал?!

— Мой друг умер, Проповедник. И я намереваюсь узнать, почему это произошло.

Пугало pokrутило пальцем у виска, и старикан поддакнул:

— В кои-то веки я с ним согласен. Ганс умер много лет назад, и найти хоть какие-то следы невозможно. Кости не могут говорить.

— Если я отступлю, то буду думать об этом постоянно и в итоге все равно вернусь сюда. Лучше все сделать сразу.

— И куда мы пойдем?

— Мальчишка сказал, что Ганс пришел с гор.

Проповедник издал звук, словно пускал ветры:

— А мой отец говорил, что ангелы создали пиво. Но это не значит, что ему стоило верить. Особенно когда он напивался.

— Раньше ты никогда не говорил о своей семье.

— А нечего здесь говорить! Ты не думаешь, что мальчишка врет? Что твоего Ганса убили, к примеру, деревенские?

— Будь это так — они спрятали бы тело получше. И уж точно каждый ребенок не знал бы об этом и не болтал перед приезжими.

Пугало кивнуло, соглашаясь с моими словами.

— Могло бы и поддержать! — возмутился старый пеликан. Он жутко не хотел лезть в горы и желал убраться из глухомани как можно скорее. — Ты ничего там не найдешь, кроме приключений на свою шею. А! Делай что хочешь. А я иду в деревню. Мне надоело годами ходить за тобой!

И он ушел.

— Вернется, — сказал я Пугалу, которое, привстав на цыпочки, провожало взглядом сутулую спину Проповедника. — Подобное уже случалось несколько раз. Ну а ты? Остаешься или идешь со мной?

Одушевленный первым побрел по тропе, уводящей в лес, и я, подхватив рюкзак и арбалет, последовал за ним.

Хрустальные горы не такие протяженные, как те, что стоят вдоль Кантонских земель, но зато самые высокие. Зуб Холода и Монте-Роза — две вершины, подпирающие небо. О них многие слышали, но редко кто видел, поскольку пики находятся в нелюдимых местах, далеко от основных трактов. Из

Бробергера в Чергий предпочитают добираться двумя низкими перевалами, по дорогам, которые приказал проложить еще император Константин. Здесь, на севере, единственный проходимый путь в Чергий — через перевал Горрграт, расположенный на западном плече Монте-Розы, на большой высоте, и преодолеть его можно только с середины лета, когда сходит снег.

Тот, кто идет туда, зависит от капризов погоды, и не каждый готов поставить на кон свою жизнь, чтобы перебраться через горы, когда в неделе пути отсюда есть куда более безопасная и торная дорога.

До основного горного хребта есть лишь одна тропа — она ведет к монастырю каликвещев, построенному среди снежных вершин. Зачем туда ходил Ганс? Шел ли он с перевала? Или не смог преодолеть его и решил поискать более легкий путь, вернувшись обратно?

У меня не было ответов.

С тех пор как я оставил деревню, прошло четыре дня. Сначала мой путь пролегал вдоль холмов, незаметно превратившихся в невысокие, поросшие ельником горы. И чем дальше я уходил на восток, тем выше они становились. Лес, взбиравшийся на них, оставлял открытыми вершины, похожие на тонзуру монаха. Могучие ели останавливались на невидимой черте, уступая место высокогорным лугам — зеленым проплатинам на телах каменных гигантов.

Широкие долины, залитые пока еще теплым осенним солнцем, незаметно сжимались под натиском надвигающихся друг на друга гор до тех пор, пока не превратились в ущелье с отвесными склонами. На дне его неслась ненасытная река, неистово скачущая по перекатам. Ее грохот не смолкал ни на секунду, и я так привык к нему, что перестал замечать. Бирюзовая ледниковая вода была обжигающе-холодной.

Небо сузилось до маленького ярко-голубого лоскута, солнце появлялось на недолгие часы, затем ущелье погружалось в густую тень, незаметно переходящую в сумерки. Я останавливался на ночевку заранее, до темноты, стараясь найти удобное место не слишком далеко от реки. Котелка у меня не было, так что воду нагреть я не мог, зато собирал достаточно хвороста, чтобы его хватало до утра. У огня ночью не так холодно.

Я клал рюкзак под голову, сняв с него свернутое в валик

тонкое походное одеяло из овечьей шерсти. Это была необходимая вещь в осенних горах — спать на нем куда приятнее, чем на голой земле.

Несмотря на все предосторожности, порох, который я хранил в роге, отсырел после того, как я попал под сильный ливень, и оба моих пистолета стали бесполезны. Они стоили кучу денег, но я без всякого сожаления бросил их — оружие было тяжелым, а во время подъема это только помешает. Так что при мне остался лишь охотничий арбалет да восемь болтов к нему.

Он пригодился уже на следующий день. Когда я проходил через буковую рощу, то спугнул улара — упитанную, похожую на крупную курицу пеструю птицу, водившуюся в этих горах. Я снял его первым же болтом, радуясь своему везению: с наступлением осени улары иногда спускаются низко, а летом, чтобы встретить их, мне пришлось бы влезть на тысячу ярдов по отвесному камню.

Вечером я нанизал мясо на несколько прутиков, решив вопрос с едой на следующую пару дней. Как раз в это время вернулся Проповедник.

Он появился из мрака и сел напротив, совсем рядом с огнем, который не мог причинить ему никакого вреда.

— Долго тебя не было, — поприветствовал я его.

— Нам надо было отдохнуть друг от друга. Нашел что-нибудь интересное?

— Если не считать нескольких стоянок, оставшихся от охотников или пастухов, — ничего. Никаких следов Ганса.

— Но ты продолжаешь упорствовать.

— И надеяться.

— Надежда тщетна: не упадешь ли от одного взора Его?¹

— Цитата не к месту.

— Очень даже к месту. Надежды — нет. Упасть здесь как нечего делать. А горы создал Господь. Пора возвращаться, Людвиг.

Плечи Пугала затряслись — ему понравилось, как старый мошенник коверкает святое писание.

— До монастыря отсюда шесть дней пути. До Горрграта семь с половиной. Если перевал открыт — я перейду в Чергий.

¹ Иов. 41, 1.

Если нет — пройду сколько смогу, загляну к каликвещам. Быть может, Ганса кто-нибудь из них видел.

Он раздраженно всплеснул руками:

— У тебя пустая голова! Ты не думал, что если твой друг умер от ран, то вряд ли он прошел все это расстояние до деревни? С раной он нипочем бы не преодолел такой путь. Если на него кто-то и напал, то это место мы уже миновали.

— Даже с ранениями люди могут жить долго. К тому же нельзя исключать яд. Или волшебство.

— Или он просто споткнулся и сломал шею.

— И эту вероятность тоже нельзя исключать, друг Проповедник. Быть может, он подхватил простуду и умер от соплей.

— Вы, стражи, не болеете.

— Именно об этом я и говорю. Он не мог умереть без причины. И я намереваюсь ее узнать.

— В безлюдных горах? Когда на десятки лиг вокруг никаких следов человека?

— Горы велики, но дорог в них мало. Все эти дни я шел по одной тропе. Если Ганс был на ней, рано или поздно я об этом узнаю. Или, в конце концов, спрошу у кого-нибудь.

— Святая Дева Мария! — взмолился Проповедник. — Я ведь только что сказал, что горы безлюдны!

— Ты не прав. Выше должны быть пастухи. Они спустятся с отарами в долины лишь к концу месяца. А еще выше Дорч-ган-Тойн, один из двух монастырей ордена каликвещев. Ну а в местах, где нет людей, всегда есть иные существа.

Проповедник скривился, точно от зубной боли:

— Дьявольское племя. Ничего хорошего от них не жди. Я бы на твоём месте не лез с ними общаться. Это не Темнолесье, и Софии, чтобы тебя защитить, поблизости нет.

Старый пеликан частенько вспоминал серебряную колдунью. Она поразила его воображение, но в этом он не был готов признаться даже себе.

— Буду осторожен, — пообещал я ему.

— Не понимаю тебя. Ведь ты, точно ищейка, последние недели рыл носом землю и внезапно все бросил.

— Ты не прав. — Я снял готовое мясо с огня. — Мне в любом случае надо в Чергий. Просто я иду туда по новой дороге.

Пугало с иронией подняло вверх большой палец. Оно оценило то, как я выкрутился. Но не Проповедник:

— Угу. Если не околеешь на Горрграте. Он и в сентябре может быть завален снегом по уши. Что тогда?

— Лето было жарким, и дождей мало. Большого снега нет, в этом я абсолютно уверен. У меня хватит сил, чтобы преодолеть перевал. Особенно если помогут монахи.

— Больно им надо тебе помогать.

Я начал ужинать, запивая мясо холодной водой, а Проповедник, помолчав, вкрадчиво сказал:

— Цыганский табор уж точно не проходил здесь.

— Тут ты прав, — не стал спорить я. — Но мы с Мириам проследили его путь в Шоссию. Табор пришел из Чергия, перед тем как в стране началась война. И мы оба считаем, что цыган получил темный кинжал там.

— Вот только она со своей уверенностью уже, наверное, в Арденау, а ты залез в глухомань, и эта тропа нисколько не приближает тебя к цели — узнать, откуда у цыгана взялась та богомерзкая железка.

— Но и не отдаляет. В Чергии смута. Обе дороги Константина забиты беженцами, и творится на них дьявол знает что. Здесь же я пройду без проблем, которые мне могут доставить дезертиры, наемники, разбойники и армия. А когда окажусь на той стороне хребта — найду следы табора. Он был слишком большим, чтобы о нем никто не слышал.

Пугало встало, посмотрело во мрак, а затем, шагнув, вышло из круга света и растворилось в ночи.

— В таборе были сотни людей. И этот цыган-колдун... ты даже имени его не знаешь. Как ты проследишь путь мертвеца? Он каждый день мог говорить с сотней человек. Какой из них тот, кто тебе нужен?

— Однажды Гертруда сказала, что зло притягивает зло, друг Проповедник. И не исчезает без следа.

— Только на слова своей ведьмы ты и надеешься.

— Обычно она слов на ветер не бросает, — усмехнулся я.

Проповедник хотел сказать какую-то скабрёзность, это было видно по ехидному выражению на его лице, но осекся, так как на свет вышли четверо.

Иные существа. Маленькие, ростом мне по колено, лохматые, в одежде из беличьих шкур. У них были зеленые глаза с вертикальными кошачьими зрачками и мордочки, очень похожие на ежиные. Двое казались постарше и подошли бли-

же, когда еще пара неуверенно переминалась на босых ногах возле самой границы света.

Таких я никогда не видел, но они выглядели безобидными, и я сказал:

— У меня есть мясо и немного хлеба.

— Не надо еды людей. Мы просто хотим посидеть у огня.

— Присаживайтесь.

Старшие подошли, сели и, не мигая, стали смотреть на пламя. Другие потоптались в отдалении еще с минуту и присоединились к своим товарищам.

— Не опасны ли они? — спросил Проповедник.

Я покачал головой.

Неспешно покончив с ужином, я сходил к реке, вымыл руки, а когда вернулся, то ничего не изменилось. Четверка продолжала следить за тем, как горят дрова. Мы сидели в глубокой ночи в тишине, пока угли не начали мерцать, и я подбросил пламени новую пищу. А затем, расстелив одеяло, стал готовиться ко сну.

— Ты что? Собираешься спать? — изумился Проповедник.

— А что? — спросил я, и ни один из гостей даже ухом не повел. Для них я словно и не существовал.

— А если, когда ты уснешь, они перережут тебе глотку?

— Я не собираюсь из-за твоих страхов провести ночь без сна. Дорога тяжелая, мне надо быть в форме.

— Дева Мария! Ты такой же кретин, как и все остальные стражи. Половина из вас мрет из-за излишней доверчивости и наивности!

— Нельзя бояться всего, что тебе непонятно. — Меня утомил этот разговор. — Оставь свою панику для более подходящего случая. В конце концов, если тебя так заботит мое здоровье — у тебя есть повод наконец-то побыть не только моей ходячей надоедливой совестью. Если возникнет опасность, просто разбуди меня.

Проповедник возмущенно вскинулся, хотел начать спорить, увещевать и кидаться цитатами из библии, но я враз пресек его атаку, улегшись на расстеленное одеяло и закрыл глаза.

Разбудил меня отнюдь не Проповедник. А молчаливый ночной гость. Только-только начинало светать, угли покры-

лись серыми лепестками пепла, тепла от костра больше не было, от реки тянуло холодом, и я сильно замерз.

Иной остался один, трое его товарищей ушли, решив не прощаться.

— Огонь — хорошо, — сказал он мне. — Теперь плата за него, кровь Темнолесья. Дальше, там, где уже не растут деревья и по земле ползет ледяной язык, — опасно.

— Опасно? — переспросил я, все еще приходя в себя от тяжелого сна, в котором Гертруда сражалась с Кристиной. — Чего мне ждать?

— Дитя кустов. — Он увидел, что я не понимаю, смешно скривил ежину мордочку. — Ругару. Трех хозяев овец убил за лето.

Какое счастье, что здесь нет Проповедника. Старый пеликан, наверное, назло мне ушел куда-то и не мог слышать эту новость. Оборотень, убивший трех пастухов. Мой спутник точно бы запилел меня еще до полудня.

— Спасибо. Я ищу своего друга. У него был такой же кинжал, как вот этот. Он должен был проходить здесь давно.

— Тут ходят только пастухи, и они не пускают к огню. Я не видел его.

Сказав это, он ушел. А я, приподнявшись на локте, встретился взглядом с Пугалом:

— Когда-нибудь видел ругару?

Оно покачало головой.

— Оборотни в диких местах не такая уж и редкость. В городах их встретить гораздо сложнее. Обычно с ними можно договориться, если они не голодны, нет полной луны и люди не причиняли им вреда.

— Ругару? — спросил Проповедник, подходя от реки. — Почему это ты о них заговорил?

— Это так-то ты охраняешь мой сон! — сказал я вместо ответа.

— Ты был прав, Людвиг. Тебе действительно ничего не грозило. Эти существа всю ночь пялились на огонь, и на третьем часу мне стало скучно, и я пошел погулять. Так что там о ругару?

— Рассказывал о них Пугалу. — Я скатал одеяло.

— Нечего о них рассказывать. Жестокие, мстительные, да к тому же еще и людоеды. И помнят, что делали, когда пре-

вращаются обратно в человека. Таких надо стрелять сразу, как увидишь.

— У старины Проповедника порой радикальные способы борьбы с теми, кто не соответствует его идеалам, — обратился я к Пугалу, и то кивнуло, соглашаясь с моими словами.

— Ага, — обиделся Проповедник. — Не ты ли мне рассказывал, как драпал от того, «кто не соответствует моему идеалу», по лавандовому полю, и только заступничество святых позволило тебе спастись.

— Это старая история. В Темнолесье ругару меня не тронули.

— Потому что ты был гостем Гуэрво и Софии. Иначе бы твои обглоданные кости уже скрыла опавшая листва.

— Смотрю, с утра ты еще более пессимистичен, чем обычно.

— Я планирую оставаться в таком настроении до тех пор, пока ты не переберешься через этот чертов перевал и не окажешься в цивилизации.

— Ну если под цивилизацией ты понимаешь войну, которая с цепом носится по стране, шарахая по всем, кто не успел от него увернуться, то я тебя не разочарую. Скоро мы будем в этой цивилизации по самые уши.

— Ты лишь обещаешь, — вздохнул Проповедник, вытирая щеку от крови. — Путь неблизкий.

— Тогда не будем задерживаться. — Я закинул собранный рюкзак на плечи и зашагал по тропе.

Через несколько часов зарядил дождь, и угрюмое узкое ущелье стало еще более недружелюбным, чем обычно. Черные ели, влажные, вздымающиеся вверх скалы, низкие облака, клочьями застревающие в мрачном лесу и спускающиеся мне под ноги, закрывая обзор бледным саваном туманной дымки. Дождь сонно шелестел по желтой листве кустарника, по деревьям, по капюшону моей куртки, и Пугало, которое ненавидело это явление природы, злобно косилось на небо, не в силах что-либо сделать.

Река все так же грохотала на перекатах, то появляясь, то вновь исчезая за мшистыми камнями, стоило тропе в очередной раз вильнуть в сторону. Я видел бирюзовую ледниковую воду, и этот цвет помогал мне не падать духом. Он говорил, что там, наверху, дождя нет, иначе бы вода давно стала грязно-бурой.

Начался крутой подъем по скользкой почве, и довольно скоро я и думать забыл о чем-либо, кроме как о том, чтобы не грохнуться вниз и не переломать себе кости. Я порядком перепачкался в грязи, хватался руками за выступающие из тропы камни, подтягивался, переводил дух и лез дальше, пока не забрался в туман, ползающий по густому ельнику. Все вокруг стало не только мрачным и унылым, но и призрачным. Наша дружная троица выглядела в этой бело-серой дымке как привидения, причем Пугало благодаря своей драной шляпе и алому мундиру казалось самым величественным, а я, слишком уставший и продрогший, самым жалким.

Проповедник, да благословят его все те святые, которых он поминает по сто раз на дню, на этот раз удержался от комментариев и не стал меня доставать тем, что я полез в горы и теперь расплачиваюсь за свое решение. Подъем, в другую погоду не такой уж и трудный, занял у меня гораздо больше времени, чем я рассчитывал, — почти всю светлую часть суток.

Наконец я выбрался на широкую площадку и сел на камень отдохнуть.

— Высоко мы поднялись? — поинтересовался старый пеликан.

Горы скрывались в низких облаках, и у него не было возможности определить, насколько к нам приблизились вершины.

— Не очень, — ответил я ему. — Видишь, вокруг растут буки. Это значит, что мы не преодолели черту леса. Когда он кончится, начнутся кустарники и камни. Луга. Потом снег. Здесь нет даже половины пути. Это была всего лишь самая легкая часть подъема.

Проповедник произнес богохульство, затем покумекал и буркнул:

— Ганс, если он проходил здесь, должен был иметь очень вескую причину для того, чтобы забраться в такие дебри. Но его я могу понять. Вы, стражи, как сумасшедшие собаки, носитесь где придется, и желательно, чтобы было как можно более уныло и опасно. Но клирики! Не понимаю, зачем калик-вцам жить в такой дыре! Построить монастырь почти под самым перевалом! Святая Матерь Божья! Здесь же никого, кроме них, нет. Ни паломников, ни нормальных дорог.

— Насколько я знаю, от Дорч-ган-Тойна есть прямая тропа вниз, мимо Зуба Холода, к Вилочкам. Путь занимает неде-

лю, если идти быстро. Монахи ходят там, а не здесь. А паломники им не нужны — каликвецы закрытый орден. Воины церкви. Им ни к чему зеваки и прочие праздношатающиеся. В монастыре изучают церковную магию. Боевую, между прочим. — Я вспомнил, как брат Курвус зацепил меня своим волшебством, когда я убежал от страг.

— И ты считаешь, что тебя-то там примут с распростертыми объятиями.

— Братство никогда не ссорилось с ними. У них нет причин отказывать стражу, идущему к перевалу.

— Ну-ну. Не все каликвецы могут быть такими, как брат Курвус. Как не все инквизиторы такие, как отец Март.

— Мне ли этого не знать, приятель. — Я вновь встал на ноги. — Сегодня не собираюсь ночевать у реки, я и так достаточно продрог. Пойдем поглядим на эти чудесные буки. Быть может, нам удастся развести костер, и Пугало расскажет какую-нибудь занимательную историю. А то только мы с тобой разговариваем.

Проповедник радостно осклабился, словно услышал какую-то великолепную шутку. А Пугало равнодушно показало нам кукиш. Оно совершенно не собиралось изменять своим привычкам.

Утром все стало иным. Было ясно, тепло, насколько это можно сказать про осень, облака разошлись, открыв вершины.

В буковом лесу властвовала тишина, множество ручьев оказались забиты опавшей листвой и разлились, подтопив небольшие низинки, деревья были зелеными из-за лишайника, который рос на их искореженных, ветвистых стволах. Тропа петляла между ними, все время поднимаясь вверх по склону.

Когда я наконец завершил подъем, на фоне пронзительно-ясного голубого неба появились снежные пики, главным из которых был Зуб Холода.

— Святые угодники! — всплеснул руками Проповедник. — Какая дьявольская красота!

Одна из высочайших вершин горного хребта стояла обособленно. Больше всего она напоминала четырехгранную пирамиду с отвесными стенами, на которых с трудом удержи-

вался снег. Серо-красная, выщербленная, с острыми гранями, она довлела над долиной.

— Пойдем, — сказал я.

— погоди! Дай полюбоваться!

— Сто раз успеешь. Ты будешь видеть ее все следующие дни. И с каждым разом она будет казаться все выше.

— А Монте-Роза?

— Мы пока еще слишком низко. Ее закрывает вон та похожая на трезубец гора. Нам придется залезть на ее гребень, туда, где кончается лес. Оттуда ты увидишь Монте-Розу, а если повезет, то и монастырь.

Проповедник прикинул на глаз расстояние и застонал.

Путника мы увидели, когда поднимались параллельно слетающей вниз горной речке, гораздо более узкой, чем прежняя, но не менее громкой. Человек в бело-коричневом плаще паломника отдыхал на большом плоском камне. Под ногами у него лежала котомка, у ног — прямой дорожный посох. Крепкий и надежный. С таким легко можно идти в гору и отбиться от разбойника, если умеешь, конечно.

Мужчина был цыганом — смуглое лицо, темные глаза, густые брови и усы, курчавые волосы с большим количеством седины, крестообразный шрам на правой скуле. Яркий, белый, заметный издали. Такие отметины я знал — подобным образом клеймили цыган в Ольском королевстве, считая людьми второго сорта. Обычно за этим следовала смерть, и чаще всего она оказывалась нелегкой. Шуко рассказывал, что у его отца был точно такой же шрам, и смерти он избежал только чудом, вовремя успев покинуть страну, где через несколько дней после его бегства началась кровавая резня, в которой перебили почти двадцать тысяч из его народа.

— Цыган! — проворчал Проповедник. — В последнее время тебе везет на их племя. Тот, с которым ты встречался в прошлый раз, ткнул тебя кинжалом. Этот, возможно, огреет посохом. Гляди в оба.

Паломник чистил куриное яйцо и, даже заметив меня, не оставил своего занятия. Его узловатые пальцы продолжали снимать скорлупу, тогда как карие глаза неотрывно следили за мной.

— Доброго дня, — сказал я, не доходя до него. — Не ожидал встретить здесь путника.

— Я тоже, — негромко ответил он. — Голоден? У меня есть еще несколько куриных яиц и грудинка с хлебом.

— Спасибо, — поблагодарил я. — Меня зовут Людвиг.

— И ты, судя по сапфиру на кинжале, страж, — кивнул он. — Я Роман.

— Как ты здесь оказался?

— Иду в монастырь от Вилочек. В тумане перепутал тропу. Потерял два дня, пока понял, в чем дело. Теперь возвращаюсь напрямик.

Он достал еду, положил на камень, правой рукой, на безымянном пальце которой я увидел полоску золотого кольца, показал, чтобы я присоединялся.

— Я тоже направляюсь к монастырю.

— Ну, значит, дальше пойдем вместе. Если ты не возражаешь.

Я переглянулся с Пугалом и кивнул:

— Не возражаю. Вдвоем веселее. Видел ли ты еще людей поблизости?

— Вчера. Пастуха с отарой, на соседнем склоне. Было далеко, и я не услышал, что он мне кричал через ущелье. Что ты забыл у каликвещев?

Этот паломник, как видно, привык брать быка за рога.

— Ищу своего друга, который пропал в горах.

— Он тоже страж? — Вопрос прозвучал, но в карих глазах не возникло ни капли интереса.

— Да. А зачем тебе монахи?

— Не мне. Это меня пригласили. Я знаю древние языки, а в библиотеке Дорч-ган-Тойна есть несколько книг, которые никак не поддаются переводу.

— Паломник-переводчик. Необычно.

— Для цыгана, ты хочешь сказать? — усмехнулся он. — Я был достаточно умен, чтобы учиться. А плащ паломника купил у старьевщика. Он теплый.

Его история была вполне убедительной. Особенно если не думать о случайности встречи, о том, что он далековато зашел, прежде чем понял, что заблудился, и о том, что его глаза мне не очень нравились. Взгляд у этого человека был слишком бесстрастный и равнодушный.

Не стоило забывать, что где-то в горах бродит ругару, который может быть не только чудовищем, но и человеком...

Мой спутник оказался немногословен. Он пошел первым,

двигаясь широкими шагами, переставляя посох и сгорбив плечи. До следующего привала мы не разговаривали.

— Скоро самая сложная часть пути, — сказал Роман, положив свой посох поперек колен. — Река падает с отвесной скалы почти на сто ярдов. А подъем в виде каменных ступеней. Так что выбрось все, что может тебе помешать, страж.

— Что, например? — спросил я, уже зная ответ.

— Арбалет. Он тяжелый, а толку от него чуть. Здесь нет ни медведей, ни волков, ни барсов, ни людей. Не от кого защищаться.

— Зато встречается птица, которая может стать неплохим ужином. Так что не думаю, что это мудро — оставлять оружие.

Он пожал плечами:

— Как хочешь.

— Я все больше и больше не люблю цыган, — заявил Проповедник. — Шуко сумасшедший, а этот еще и странный какой-то. Не поймешь его.

Я старался беречь дыхание, но все равно подъем оказался не из легких. Цыган был точно двужильный, он даже не вспотел. Шагал вперед, словно одержимый демоном, и не выказывал никаких признаков усталости. К водопаду мы пришли через час после разговора об арбалете. Река срывалась с широкого карниза и падала вниз с ревом обезумевшей от крови толпы.

— Нам туда, — сказал Роман, указав наверх. — Там начнется плато и луга. По ступеням.

«Ступенями» он назвал каменные выемки, каскадами поднимавшиеся по базальтовой скале. Они были мокрыми, скользкими и совершенно не обнадеживали. У Проповедника эта дорога и вовсе вызвала сомнения:

— А нет ли другого пути?

Я не стал ему отвечать, посмотрел, как Пугало вошло в водопад и скрылось за ним, подтянул лямки рюкзака, чтобы он как можно меньше болтался на спине и не смещал мой центр тяжести.

Чем выше мы поднимались, тем сложнее становилось. Я перестал доверять только ногам и начал ползти вверх на четвереньках, цепляясь пальцами за мокрые, холодные камни. Роман двигался прямо надо мной, тем же самым способом, что и я. Посох он забросил себе за спину, соорудив из ремня петлю и надежно зафиксировав его рядом с котомкой.

Иногда он оборачивался, проверяя, не отстал ли я, ловил мой взгляд, одобрительно кивал и вновь продолжал подъем.

Потом мы спугнули двух топлян. Они сидели на сильно выдающейся вперед ступени и наслаждались водными брызгами, падающими на них сверху. Заметив нас, речные жители зло сверкнули ярко-голубыми глазами, скользнули ужами, блеснув тусклой серебристой чешуей, и спрыгнули в поток.

Быть может, оттого что мы их рассердили, а может, из-за досадной случайности и моей неосторожности за десять ярдов до конца подъема моя левая нога скользнула по камню, и я потерял равновесие.

Впечатление было такое, словно кто-то невидимый из всех сил дернул меня за рюкзак. Я опасно отклонился назад, замахал руками, стараясь восстановить хрупкий баланс между собой и скалой.

Испугаться не успел. Лишь отметил краем сознания, что у Проповедника лицо перекошено от ужаса, а падать мне никак не меньше девяноста ярдов.

И в этот момент смуглые пальцы цепко схватили меня за правое запястье, дернули вперед, вырывая из распахнутой, голодной пасти бездны.

— Спасибо, — отдышавшись, сказал я.

Роман прочитал слово по моим губам и наклонился к уху, прокричав:

— Говорил же я! Брось арбалет!

И полез вверх. Когда я закончил подъем и оказался на пологом гребне, цыган ждал меня, а рядом с ним сидело Пугало, безучастно швыряя вниз камешки.

— Тебе надо отдохнуть или идем дальше? — спросил мой спутник.

— Мне нужна минута, — ответил я. — Еще раз спасибо за помощь.

— Не за что, страж.

— Я ненароком рассмотрел твое кольцо, когда ты протянул руку.

Он только усмехнулся.

— Три пятиконечных звезды по ободу. Уполномоченный церковный легат.

— Сложно поверить, что такой, как я, служит церкви? — спросил он.

— Мой друг — страж. И он тоже цыган. И той же веры, что

ты и я. Так что поверить легко. Значит, ты не разбираешься в древних языках?

— Я не врал тебе, Людвиг ван Нормайенн. В языках я разбираюсь прекрасно. И иду в монастырь ради его библиотеки.

— Не помню, чтобы называл тебе свое полное имя, Роман.

— В этом нет нужды. Я помню тебя. Видел в Вионе с отцом Мартом, когда на кардинала Урбана устроили покушение. Я служу его высокопреосвященству, так что в курсе того дела.

— Личный легат кардинала Урбана? — удивился я.

— Мир тесен, страж. А люди, которые занимаются похожим ремеслом, имеют такую особенность — пересекаться даже в глуши. Ну, что? Теперь идем?

Деревья остались внизу. Здесь рос только чахлый кустарник и короткая трава. Куда ни кинь взгляд, вокруг на склонах расположились луга, то и дело перемежающиеся каменными скоплениями. Мы шагали по хребту, по удобной прямой тропе, во сто крат легче той, которой я шел в прошлые дни.

Мы были в самом сердце Хрустальных гор. И центральный хребет — белая стена — протянулся с севера на юг. Справа от нас небо пронзал зуб Холода, слева огромным сахарным холмом, к вечеру укрывающимся алыми облаками, точно периной, вздымалась Монте-Роза.

— Мы где-то в трех тысячах ярдов над морем, — сказал Роман, хватая ртом воздух. — А эта красавица поднимается на все семь. Если не больше. Туда пока не залез ни один человек.

— Там нечего делать, — ответил я ему. — Лишь снег, лед да духи мороза. Они не любят людей.

У меня немного болела голова, и при быстрой ходьбе начиналась одышка, но в целом я чувствовал себя не так уж и плохо. Горррграт на полторы тысячи ярдов выше, я видел его уже отсюда, хотя идти до него еще около трех с половиной лиг. Он располагался на западном отроге Монте-Розы, сжатый с одной стороны ее снежной величественной вершиной, а с другой — более низкой горой, отсюда напоминающей пошедшую улитку.

Сейчас было раннее утро, и из-за восходящего солнца снежный хребет походил на хагжитский шербет — был нежно-розового оттенка. Внизу, в долинах, лежали облака. Это было нереальное зрелище. Мы словно парили над миром, и

дорога, по которой шли, все больше и больше приближала нас к ледникам. Я уже видел их сползающие с гор бело-голубые языки, мерцавшие на солнце, точно холодное пламя.

Ветер пах яркой свежестью и в то же время терпким левкомем, то успокаивался, то вновь начинал носиться по лугам и склонам с игривой беспечностью щенка. Я зарядил арбалет под удивленным взглядом цыгана.

— Решил заняться охотой, страж?

— Несколько дней назад я встретил иных существ. Они сказали, что где-то здесь живет ругару.

— Ты им веришь?

— Им незачем было врать.

— Ругару?! — возопил Проповедник. — Чертов оборотень, прости Господи! И ты говоришь об этом только сейчас?!

Мне пришлось проигнорировать его.

— Ты не спешил поделиться со мной этой информацией, — сказал Роман.

— Ругару мог оказаться и ты. Пока я не увидел кольцо, не был уверен в том, что передо мной не оборотень.

— Людвиг, я оскорблен! Мне-то ты мог сказать сразу! Пугало же ведь знало! По роже его вижу, что знало! Какое преступное наплевательство! — между тем продолжал распалиться Проповедник. — А еще друг называется!

— Вполне разумно, — рассмеялся легат кардинала. — Вот только ты не подумал, что кольцо я мог снять с какого-нибудь путника, а потом сочинить всю эту историю?

— Бесстыдство! — Проповедник, взмахивая руками, удалялся. — Какому-то цыгану заблудшему рассказал, а мне — нет!

Я проводил его сутулую фигуру взглядом, затем повернулся к Роману:

— Кольцо и одежда — возможно. Но история с Вионом — сомнительно. К тому же сейчас полнолуние, и ночью я не заметил, чтобы ты обрастал шерстью.

Он вновь рассмеялся и сказал:

— Ну, надеюсь, что тебя все-таки обманули. Встречаться с тварями ночи не входит в мои планы.

К вечеру мы подошли к плато, заросшему замшелыми каменными грибами. Здесь выл пронзительный холодный ветер. На склоны опустился туман, вязкий и влажный, застилающий глаза, лезущий в рот, пахнущий едкой пряной травой и заманивающий к пропастям, которых вокруг тропы было ве-

ликое множество. Вернувшийся Проповедник, все еще обиженный, ворчал, что темнеет и пора делать привал.

— Надо остановиться, — согласился я. — Или костей не соберем.

Роман подул на ладонь, и вокруг нас закружились какие-то насекомые, излучавшие ярко-желтый огонь, свет которого разогнал туман, отразился от шершавых поверхностей каменных грибов.

— Мать-заступница! Святой Коломан и все его мучители! Это не церковная магия! — подпрыгнул Проповедник.

Пугало остановилось да пригляделось к моему спутнику получше.

— Церковный легат, знающий древние языки, да еще и колдун к тому же. На службе у кардинала Урбана. Ты полон сюрпризов, Роман.

— Как и ты, Людвиг, — вернул он мне комплимент. — Его высокопреосвященство несколько раз говорил о тебе и твоих друзьях.

Мне это не слишком понравилось, но я сказал:

— Надеюсь, только хорошее.

— Кардинал помнит, кому он обязан жизнью, когда был еще епископом. А это, — небрежный кивок в сторону летающих насекомых, — всего лишь детские шалости. Уверен, что другие колдуны, которых ты, вне всякого сомнения, знаешь, способны на гораздо большее.

— Людвиг, спроси, есть ли у него патент? — подал «идею» Проповедник и тут же смутился, поняв, что сморозил несусветную чушь.

Разумеется, у легата кардинала должен быть патент Церкви, разрешающий заниматься волшебством.

— Не буду спорить, — ответил я цыгану. — Но люди твоей профессии обычно пользуются церковной магией, а не той, что считается темной.

— Только истинно верующий, свято отдающий себя всего Господу, способен на чистое, не запятнанное пороком волшебство. Я слишком слаб духом и полон сомнений, для того чтобы Господь проявил ко мне милость и наградил таким даром. Но и тот, что есть у меня, верно служит Церкви и Господу. Тебя это смущает?

— Меня давно уже ничто не смущает.

Он усмехнулся:

— Да, стражи порой не гнушаются пользоваться услугами тех, кого иные считают запятанными. Ваши цели оправдывают те средства, которые вы используете для сражений с темными душами. Я готов это понять.

Он пошел вперед, освещая мрачную дорогу, и я поспешил за ним, не желая оставаться в тумане, который охотящейся кошкой следовал за нами, держась границы круга света.

— Ты собираешься не останавливаться всю ночь? — Я не убирал рук с арбалета.

— Ниже есть землянка, где летом иногда живут пастухи. Заночуем под крышей и с комфортом.

— Как далеко?

— Пока мы, точно святые, шествуем среди облаков, ничего конкретного сказать не могу. Часа полтора ходу.

Эти полтора часа были удивительно длинными, и я вздохнул с облегчением, когда мы начали спуск с плато.

Черная проворная тень прыгнула с вершины каменного гриба. Я, будучи настороже, крикнул, предупреждая Романа. Вскинул арбалет.

Косматая туша с длинной зубастой мордой в один прыжок оказалась передо мной. Колючей голодной злобой сверкнули золотистые глаза. Но он не бросился на меня — внезапно извернувшись всем телом, взмыл в воздух и прыгнул на цыгана.

Клацнули страшные челюсти, тут же облако сияющих насекомых взорвалось, их прозрачные крылышки разлетелись в стороны, упав на землю точно снежинки, а ругару проехал по земле добрый десяток ярдов, сильно ударившись боком о камень. Проповедник верещал, чтобы я немедленно бежал и спасался, но я даже не подумал об этом.

Цыган стоял на коленях, оборотень, отброшенный магией, вставал на четвереньки, оглушенный атакой. Я прицелился, выстрелил и попал, судя по тому, как взвыл нападавший. Он встал на задние ноги, повернул ко мне оскаленную морду, но цыган швырнул с открытой ладони нечто чернильно-черное, и ругару снова прыгнул, но теперь уже не на нас, а во мрак, подальше от колдовства.

— Господи спаси! Господи спаси! Господи спаси! — молился Проповедник.

Пугало молитвы не жаловало, поэтому просто наблюдало за всем происходящим со стороны и, судя по его виду, было крайне довольно случившейся скоротечной схваткой.

Первым делом я перезарядил арбалет, а затем уже бросился к цыгану. Тот больше не стоял на коленях, а лежал на спине. Его грудь тяжело вздымалась.

— Ты цел?

Крылышки, лежавшие на земле, гасли, вокруг разлилась тьма, со всех сторон подступил туман, и разглядеть хоть что-то, когда сердце стучит у самого горла, а разгоряченная кровь шумит в ушах, было не так уж и просто.

— Сейчас, — сказал Роман, и в воздухе закружился всего лишь один волшебный светлячок. На этот раз горел он гораздо более тускло, чем прежде. Бледного света едва хватило для того, чтобы рассмотреть все хорошенько.

— Казни хагжитские! — за всех нас произнес Проповедник.

Пугало подошло поближе, чтобы лучше разглядеть окровавленное плечо цыгана. Оно было все изодрано зубами, текла кровь.

— Плохи мои дела, страж, — сказал легат кардинала.

Я достал из рюкзака чистую тряпку, залил рану бальзамом, который оставался у меня еще с тех пор, когда лечили Карла, и взялся за перевязку как раз в тот момент, когда Роман потерял сознание.

— Зачем ты это делаешь? — удивился Проповедник. — Не милосерднее ли убить его?

— Что-то не совмещаются у меня в сознании эти два слова — милосердие и убийство. Будь добр, оставь дурные советы при себе, — не прекращая своих действий, отозвался я.

— Приглуши жалость и включи рассудок, Людвиг. Его цапнул ругару. Это все равно что укус ядовитой гадены. Он не переживет ночи и умрет в мучениях. Господь...

— Не давал мне указания убивать человека. Если ему надо, то он сделает это сам. Не сомневайся. У окулла тоже был смертельный яд, но я до сих пор жив.

— Тебя лечила София. И ты тогда умер, если помнишь.

Я бросил рюкзак и котомку цыгана, также оставил арбалет и с трудом взвалил раненого себе на плечи. Он был гораздо легче меня, но все равно тащить его на высоте оказалось не просто.

— Что ты задумал? — поинтересовался старый пеликан.

— Дойти до пастушьей землянки. Она где-то близко.

— А если ругару вернется, пока ты прешь цыгана на закорках?

— Значит, будет не один мертвец, а два.

Я сделал шаг, и, по счастью, светлячок послушно полетел рядом, освещая путь. Пастушья землянка — торчащая над травой крыша из хвороста и низенькая дверь — появилась справа от тропы спустя триста непростых шагов. Низкий потолок, одно оконце, одна лавка, старый очаг и сильный запах сухих трав — чабреца, душицы и зверобоя.

Неизвестный пастух оставил в углу какое-то количество дров, которые поднял снизу, оттуда, где росли деревья. Я разжег огонь, осмотрел повязку. Она намочила от крови, так что я заменил ее, вновь залив разорванные мышцы бальзамом.

Я потрогал лоб Романа, он был ледяной. Поднял веко, но зрачок не реагировал на свет, был большим и неестественно-черным.

— Плохо дело, Людвиг. Быть может, мне помолиться за него?

— Молитва не помешает. Сиди с ним, читай молитву и, если хватит сил, попробуй бросить еще дров в огонь, когда тот начнет гаснуть.

— А ты куда?

— А я собираюсь принести противоядие и дать ему пожить еще немного.

— Противоядие от укуса оборотня?! Откуда ты о нем знаешь?

— Мне рассказывала Гертруда.

— Она ведьма.

— Скажи что-то новое.

— Где-то там, во мраке, тебя поджидает чудовище.

— Нет времени пререкаться с тобой, дружище.

Я вышел на улицу, и светящееся насекомое полетело за мной, словно чувствуя, что я пытаюсь помочь его хозяину. Пугало увязалось следом. Я не возражал. Пускай в большинстве своем оно не помощник и предпочитало быть наблюдателем, но порой его компания оказывалась не лишней.

Если честно, я боялся, что ругару вернется. Что он прячется где-то за камнями и ждет меня. Но страх — дурное чувство. Я приглушил его и довольно быстро оказался там, где на нас напали. Рюкзак закинул на плечи, котомку решил забрать на обратном пути. Арбалет валялся на земле. Осмотревшись, я

нашел следы больших лап, пошел по ним и через пять шагов увидел темную кровь на лишайнике. А еще несколько минут спустя, в цирке, образованном несколькими горными склонами, наткнулся на ругару.

Он лежал за камнями, его бок тяжело вздымался, и, когда я подошел достаточно близко, страшная морда повернулась в мою сторону.

— Я думал, что ты с нами, кровь Темнолесья, — просипел он.

Я посмотрел в тускнеющие золотые глаза и ответил:

— С вами. Пока вы не трогаете людей.

Теперь было понятно, почему он не напал на меня — почувствовал магию Софии. Иные существа, тот же визаган, ненавидящий людей, не желают убивать то волшебство, которое невольно живет во мне. Это вновь спасло меня сегодня.

И убило оборотня. А возможно, и Романа.

Насмешка судьбы. Не иначе.

Его лапы конвульсивно дернулись, корябая страшными когтями камни, и через две неполные минуты он умер. Огромное лохматое тело стало истончаться, таять, словно лед, оказавшийся на жарком солнце. Шерсть превращалась в серую дымку, лапы укорачивались, морда становилась плоской. Кости хрустели, двигались, меняли свое положение, и вот среди холодных камней, в тумане, уже был не страшный оборотень, а исхудавший немолодой мужчина с черными как ночь волосами и искаженным от боли уродливым лицом. Арбалетный болт, под углом торчавший у него над правой ключицей, не оставлял сомнений в причине смерти.

Пугало подошло к телу, ткнуло носком дырявого ботинка, пожало плечами. Мол, ничего интересного. Вопросительно посмотрело на меня.

Я взял мертвеца за плечо, перевернул на спину, достал кинжал. Сомнений у меня не было. Я знал, для чего это делаю.

Разрез от горла вниз, до самого живота. Затем два поперечных. Кровь, потекшая из ран, дымилась на холоде, вокруг запахло железом и плотью. Я не останавливался, пока не обнажил ребра и грудину.

Пугало дышало мне в затылок, и его едва не потряхивало от восторга из-за того, что я устроил тут мясную лавку.

— Мне нужен твой серп, — сказал я ему. — Он режет кость лучше, чем мой клинок.

Кажется, в этот момент мой авторитет у Пугала возрос до небес. Оно едва не пустилось в пляс и протянуло мне свое страшное оружие.

Я впервые держал его серп в руке. С виду очень простой предмет — истертая деревянная рукоятка, полоса изогнутого металла, оточенного до бритвенной остроты. Но стоило при-смотреться, заглянуть чуть глубже, за призрачную основу, чтобы увидеть, какая сила и мощь заключена в оружии.

Я провел острым лезвием у грудины, и ребра, точно бумага, не выдерживали этих прикосновений — срезались без всякого усилия. Мне не составило труда вскрыть грудную клетку и извлечь сердце.

Пугало было зачаровано действием, словно морской разбойник, на глазах у которого из пучины подняли затонувшие сокровища.

Как и кровь, сердце на холоде дымилось. Я вернул одушевленному серп. Тот благоговейно принял его, не спеша убирать за пояс, наблюдая, как тягучие капли медленно стекают по лезвию и падают в лишайник.

Дорога обратно, как мне показалось, заняла довольно много времени. Пугало не отставало ни на шаг, бежало за мной едва ли не вприпрыжку. Оно чувствовало, что это еще не конец.

Когда я ввалился в пастушью землянку, ничего не изменилось. Костер еще не прогорел, Проповедник читал молитву, Роман метался в горячке.

— О, Боже мой! — воскликнул старый пеликан, увидев мои руки. — Ты ранен?! Господь Всемогущий! Что это?!

Я положил человеческое сердце на пол, сказав:

— Ругару мертв. Так что это ему больше ни к чему.

Пока Проповедник потрясенно разевал рот, переводя взгляд с моего трофея на меня, я быстро обшарил землянку, ища какую-нибудь крупную емкость, но нашел лишь глиняную кружку.

— Ладно. И это сойдет. — Я направился к протекавшему поблизости ручью, набрал воды, поднял с земли первый попавшийся камень. Вернулся, взялся за кочергу и сгреб угли.

— Что ты собираешься делать?

— Сварить противоядие от слюны оборотня. Чтобы цыган выжил.

— И для этого тебе нужно сердце?

— Сердце ругару, который укусил. Кровь человека, которого укусили. Кровь человека, которого не кусали. Еще вот булыжник.

— Ты извлек органы из мертвеца! Это некромантия!

— Скорее старые крестьянские обряды. Ругару кусали людей и прежде. И те нашли способ, как выжить.

— Инквизиция...

— Инквизиция далеко. Церковь разрешает врачам вскрывать трупы, если это на пользу. Считай меня врачом, а его больным, которому срочно требуется помощь. — Я полоснул кинжалом по большому пальцу на руке цыгана, выдавил в воду несколько капель крови. Затем капнул своей, поставил кружку на угли и начал резать сердце.

Пугало наблюдало и облизывалось. У Проповедника был такой вид, словно его в любой момент могло стошнить.

— Я знал, что твоя ведьма научит тебя дурному, — простонал он.

— Если ты будешь досаждать мне, я попрошу Пугало выбросить тебя вон, — прорычал я, продолжая заниматься этой отвратительной готовкой. — Если я ошибусь, то второго сердца ругару у меня поблизости нет. Не мешай.

— Все не влезет в кружку.

— Все мне и не нужно.

Я закончил нарезать куски, проверил воду, она как раз начинала закипать. Нужных слов, которые обычно произносят колдуны, готовя зелья, я не знал, так что понадеялся на то, что слова менее важны, чем ингредиенты.

Когда вода закипела, я положил в кружку несколько частей сердца, остальное бросил на угли. Запахло жареным мясом, по комнате пополз дым, и Пугало ловило этот аромат человечины, словно грешник, внезапно дорвавшийся до цветов, растущих в райском саду.

Я вышел на улицу, оставив дверь открытой, сходил к ручью и хорошенько вымыл руки ледяной водой. Проповедник подошел ко мне, откашлялся и сухо произнес:

— Даже если он будет спасен от яда, то его душа...

— Слушай, не говори ерунду. Это болезнь. С его душой ничего не будет, уж можешь поверить специалисту по темным душам.

— Все равно. Если ты спасешь его, то в нем будет жить зверь.

— Я в курсе.

— И ты откроешь дорогу в мир для оборотня?! Иного существа?!

Я вздохнул:

— Иные существа не всегда зло. Одно я знаю — у меня есть возможность спасти жизнь. И я не дам ей пропасть.

— Буду надеяться, что сейчас тобой руководит Господь, а не кто-то другой, — сдался он. — Пугало-то точно надолго запомнит эту ночь. Еще немного, и оно заговорит от восторга.

Мы вместе вернулись обратно. Цыган был очень плох, но кровь из раны сочиться перестала. Зелье я продержал на огне довольно долго, то и дело снимая его, как только оно начинало закипать, остужал и ставил на угли снова. Затем, когда оно было готово, что подтверждала бледно-голубая пена, кинул в кружку камень.

— Все, — наконец сказал я.

— И что теперь? — откликнулся Проповедник, неодобрительно следя за всеми манипуляциями.

— Теперь, как только отвар остынет, я напою цыгана.

— А бульжник для чего?

— Его следует положить на рану, чтобы он вытягивал и впитывал в себя яд.

— Ты действительно веришь, что это спасет его?

— Ответ ты узнаешь через несколько часов.

Я оказался прав. Когда ночь подходила к концу, Роман перестал метаться в горячке и его дыхание стало ровным.

Я перевернул лежащий на его ране камень, который с одной стороны потрескался и начал крошиться. Затем бесцеремонно залез в котомку цыгана, без всякого аппетита съел сухарь и кусок грудинки. Только потому, что надо было поесть.

— Судя по всему, он выживет. Поздравляю, Людвиг. Твоя ведьма знает свое дело, а в мире появился еще один оборотень. Вот только разве это жизнь? Быть оборотнем?

— Дышать, мыслить, чувствовать? Думаю, что да. Это жизнь. У каждого из нас свои изъяны, но лучше существовать с ними, чем лежать в могиле.

На это ему возразить было нечего.

Утром Роман так и не проснулся. Я подхватил арбалет и ушел на охоту. Повезло мне лишь через несколько часов, когда я заметил стадо горных коз, лазающих по скалистому скло-

ну. Я подстрелил ближайшую ко мне, еще не старую, с буро-рыжей шерстью, но всего лишь ранил. Она скакнула в сторону, не удержалась на карнизе и рухнула с обрыва вниз, тогда как все остальное стадо резвыми прыжками унеслось вверх, на недоступную человеку вершину.

Мне потребовался еще час, чтобы найти спуск, добраться до козы и освежевать ее. Когда я вернулся с тушей домой, Роман сидел, укрывшись моим одеялом, и жадно пил воду, которую я для него оставил. Его колотил озноб, а глаза были ярко-золотистые и совсем не человеческие.

— Он уже час такой, — сообщил Проповедник, забившийся в противоположный угол, словно цыган мог причинить ему какое-то зло.

— И кто из нас полон сюрпризов, ван Нормайенн? — спросил Роман, ставя опустевшую кружку на пол. — Уж чего я не ожидал, так это что страж способен сварить «Волчью сладость».

— У меня были хорошие учителя, — ответил я, сбрасывая с плеча добычу.

— Передавай им мою благодарность. Какие слова ты произнес над зельем?

— Никаких.

— То-то мне так хреново. Но это лучше, чем если бы ты превратил варево в молоко или случайно вызвал какого-нибудь демона. С последствиями я справлюсь.

— Еще воды?

Он облизал языком потрескавшиеся губы:

— Да. И мяса. Сырого. Пока я не захлебнулся слюной.

Я отрезал для него козлиное бедро, взял кружку, наполнил в ручье. Когда вернулся, Роман рвал зубами мясо, стараясь пережевывать его не торопясь и не глотать кусками. Вид у него был немного страшноватый и безумный, особенно с окровавленным ртом, но меня смутить этим было сложно. Я успел повидать куда более страшные вещи.

— Трансформация требует много сил. Мой организм перестраивается. Извини, если со стороны это выглядит очень уж отвратительно, — сказал он, когда в его руках осталась лишь кость.

— Я предполагал, что ты проснешься голодным. Как твое плечо? Мышцы были сильно разорваны.

— На мне заживает как... на собаке. Видно, Господь не зря

пересек наши дороги. — Он поплотнее закутался в одеяло, вытянул ноги в стоптанных сапогах. — Я хотел попросить тебя убить меня, но потерял сознание. Хорошо, что не успел.

— Ну, по крайней мере, ты не держишь на меня зла за то, что я тебя вылечил.

— И за то, что я теперь не совсем человек? — Он сверкнул усмешкой, и мне показалось, что его зубы несколько острее, чем были день назад. — Жизнь слишком дорога, чтобы отказываться от такого подарка. Моя... болезнь займет дней пять, может быть, неделю. Затем я буду таким же, как всегда. Человеком. Потому что меня не прельщает бегать по пустошам в чем мать родила, воровать овец и выть на луну.

— Тебя не пугает звериная сущность?

— Нет. С любимым зверем можно справиться. Пожалуй, следующую порцию мяса я бы съел зажаренную. Если это не сложно для тебя.

Я стал разводить костер, а он между тем продолжил, глядя сквозь Пугало:

— Зверя можно подчинить и воспитать. Я не страшусь этого и смогу жить с новым «я».

— Предпочитаешь смотреть на жизнь положительно?

— Обычно нет. Но готов получить несколько плюсов из той неприятности, что со мной случилась. В моей работе они пригодятся.

— В работе знатока древних книг или легата кардинала?

Он хмыкнул, следя за тем, как я вожусь с мясом:

— Церковь принимает в свое лоно всех, кто готов уверовать и быть с Христом. Даже таких чудовищ, как теперь я.

— Спешу тебя разочаровать, — сказал я. — Тебя вряд ли можно назвать чудовищем, Роман. Я хорошо знаком с ними. И некоторые из них когда-то были людьми.

— Ты о темных душах?

Я посмотрел на Пугало, на Проповедника:

— И о тех, кто еще не стал ими. Больше всего чудовищ не среди ругару, старг или боздуханов, а среди нашего племени. Хуже людей я пока никого не встречал.

— Я обдумаю твои слова на досуге, страж, — серьезно сказал он.

Он еще раз поел, а затем вновь заснул на несколько часов.

Пугалу стало скучно, оно вытащило из кармана кость ру-

гару, взятую в качестве сувенира, и стало серпом что-то вырезать.

Я принес еще воды, затем зажарил все мясо, чтобы оно не пропало.

— Когда ты собираешься уходить, Людвиг? — Проповедник, все это время гулявший по склонам и любовавшийся Монте-Розой, сверкающей снежной шапкой на фоне яркого неба, вернулся и заглянул в землянку.

— Уйду, как только ему станет лучше и его можно будет оставить.

— С кем ты разговариваешь? — Цыган уже не спал и смотрел на меня золотистыми глазами.

— Со светлой душой.

— Хм. Забавно смотреть, как человек общается с невидимым собеседником. Если эта душа предлагает тебе уйти, то я, пожалуй, встану на ее сторону.

— Почему?

— Ты и так достаточно со мной повозился. Мне уже гораздо лучше, силы очень быстро возвращаются. Через два дня луна пойдет на убыль, а пока находиться рядом со мной не слишком разумно. Я буду занят войной со зверем и не хотел бы, чтобы ты пострадал ненароком. Так что, если тебя ничто не держит, лучше уходи. До Дорч-ган-Тойна отсюда полтора — два дня пути. Вверх, где на нас напал ругару, и по хребту в сторону Монте-Розы.

— Хорошо, — к огромному облегчению Проповедника сказал я. — Если ты уверен, что справишься в одиночку, я отправлюсь своей дорогой.

— Уверен.

Он следил за тем, как я собираю вещи. Одеяло я оставил ему, как и всю еду. Затянул тесемки рюкзака, закинул его на плечи.

— Пора прощаться.

Мы пожали друг другу руки.

— Теперь я понимаю, что в тебе есть такого, чего нет во мне, страж. — В его золотистых глазах бесновалось пламя. — Почему оборотень бросился на меня, а не на тебя. Чувствую это в твоей крови, но не знаю его названия...

Кровь Темнолесья. Изначальная магия всех иных существ. Я ничего не сказал ему на это, и он спросил:

— Знаешь, как с волкодлаками поступают в моем народе?

Их давят лошадами или закапывают живьем. Не важно, что ты не хотел становиться зверем. Ты проклят навеки и бесчестишь семью. Любой из твоих родственников считает правильным прикончить тебя. То, что ты сделал для меня, — не сделал бы никто из моей семьи. И я этого не забуду.

— Ты уже можешь помочь. — Мне пришла в голову мысль, которая должна была появиться гораздо раньше. — Что мне следует сделать, если я хочу узнать, с кем общался человек из табора в определенном месте?

Он ничем не показал своего удивления:

— Поговорить с кем-нибудь из табора. Там все на виду, и нет никаких тайн.

— А если ни табора, ни этого человека больше нет в живых?

— Даже так? — Он задумчиво потянул себя за указательный палец правой руки. — Тогда я бы поговорил с кем-нибудь из осведомителей инквизиции.

— Со стукачами?

Цыган поморщился:

— Стукачи, страж, это те, кто во время исповеди рассказывают своему духовному отцу что-нибудь о соседях. Осведомители не мелют сказки из зависти или для того, чтобы очернить знакомого. Это профессионалы, собирающие ценную информацию и следящие за неблагоприятными для веры лицами, которым требуется надзор, но им пока еще рано предстать перед инквизицией. Например, есть те, кто всегда наблюдают за цыганским табором. Попробуй найти такого и задать ему вопрос. Быть может, тебе повезет.

Он подал интересную идею, а когда я уже брался за дверную ручку, цыган окликнул меня:

— Твой друг. Давно он пропал?

— Очень давно. Ты что-то знаешь об этом?

— Вчера бы я сказал, что нет. Но сегодня обстоятельства изменились. — Смех у него был безрадостным. — Быть может, это никак не связано... Лет девять, а может, и все двенадцать назад, точно не помню, монахи нашли недалеко от монастыря два тела. Оба мертвеца, по слухам, из Ордена Праведности. Вы, стражи, не слишком их любите. Быть может, твой друг что-то не поделил с ними.

— Быть может... — задумчиво протянул я. — Что-то еще?

— Всего лишь один совет. Расспрашивай каликвещев с

осторожностью. Мало ли куда заведут тебя вопросы. Порой они могут быть опаснее зубов ругару.

— Зачем ворошить далекое прошлое? Я не понимаю. Ты думаешь, если с тобой что-то случится, Гертруда этому обрадуется?

— Ты изумляешь меня, Проповедник. В кои-то веки назвать Геру не ведьмой и использовать ее имя в качестве аргумента. Несвойственный для тебя ход.

— Просто я исчерпал другие свои козыри. — Он хмуро поправил врезавшийся в шею белый воротничок. — Я чувю, что ничего хорошего в Дорч-ган-Тойне ты не найдешь. Монастыри ничуть не лучше тюрем. И в тех и в других без следа исчезло достаточно большое количество людей. Я соглашусь с цыганом — не те вопросы не тем людям могут привести к очень печальным последствиям.

— Я в курсе. Спасибо.

— Ты только обещаешь. А сам лезешь то к маркграфу Валентину, то еще к какой-нибудь, прости Господи, дряни. Все только и ждут, когда тебя можно будет прикончить.

— Твоя забота и беспокойство за мою жизнь очень меня трогают. Но не сгущай краски. Лучше подумай о том, что здесь забыли законники?

— Какую-нибудь мерзость.

Пугало серьезно кивнуло, одобряя эту версию. Орден Праведности находился у него на первом месте среди личных врагов.

— И дорога этих двоих привела их в монастырь каликвещев.

— Троиц, Людвиг. Троиц. Ты забыл о Гансе. Он тоже пришел туда в то же время, что и они.

— Роман не сказал, когда точно нашли тела. Так что это всего лишь теория, — покачал я головой.

— Даже мой проломленный висок чувствует, что она верна. Это похоже на тупой анекдот: собрались как-то вместе страж, законник и клирик...

— Умоляю, избавь меня от кабацких шуточек!

— Как хочешь. Но я буду ее придерживаться. Что Ганс не поделил с Орденом? Остается понять причину ссоры.

Я приложил ладонь козырьком, рассматривая открывающуюся впереди дорогу:

— Тысячи причин. И ни одной.

ГЛОССАРИЙ

Альбаланд — крупное государство на северо-западе Центрального континента.

Королевство, ранее являвшееся материковой частью Ньюгорта, получило независимость после череды кровавых войн, последняя из которых завершилась морским сражением в бухте Ожидания победой Альбаланда.

Известно сильным флотом, мореходами, путешественниками, первооткрывателями и тем, что оказывает полную поддержку стражам, которые организовали на его территории школу и свою штаб-квартиру.

Политика стражей достаточно сильно влияет на политику страны — четверо магистров Братства стражей входят в королевский совет. Процент от доходов Братства уходит в королевскую казну (аренда земель, право находиться на территории страны), что делает Альбаланд одним из самых богатых государств со стабильной экономикой.

Альта — иное существо. Умеет читать мысли и принимать человеческий облик. Практически уничтожены.

Ангжис — иное существо. Живут крупными кланами в Кайзервальде и его окрестностях. Лояльны к людям. В кланах ангжисов — матриархат, женщины являются правителями. Каждые восемь лет кланы устраивают большие сражения. Победивший клан получает право быть главенствующим на следующий «правлящий цикл».

Ангжисы — отличные воины и охранники. Охотно служат людям.

Арафeya — родина Иисуса, далеко на юго-востоке от Центрального континента. Была отбита арафейцами у хагжитов

после его рождения и стала независимым государством на одно тысячелетие. Затем двести сорок два года являлась Королевством Гроба Господня, пока хагжиты не выбили крестоносцев обратно на Центральный континент и не восстановили контроль над Арафеей.

Арденану — столица Альбаланда. В городе расположена штаб-квартира стражей и знаменитая школа Братства.

Барбург — карманное герцогство, недалеко от земель Кантонов и Вальзофской горной цепи. Герцог Барбурга является номинальным владыкой, тогда как вся власть сосредоточена в руках кардинала, а следовательно, Церкви.

Несмотря на это обстоятельство, Барбург является просвещенным, светским государством, с толерантностью относящимся к волшебству и иным существам. Именно здесь проживает самое крупное сообщество ведьм и колдунов, лояльных к Церкви. И именно в этом герцогстве был выдан первый патент волшебникам, принявшим крещение.

Богежом — столица княжества Фирвальден, расположена на севере государства.

Боздухан — иное существо. Полностью истреблены на материке из-за своей внешней схожести с чертями. В старину ошибочно считались богами урожая и плодородия.

Братство стражей — история Братства, как официальной организации, начинается со времен императора Августа, когда он повелел создать орден воинов, борющихся с темными душами. До этого времени стражи в большинстве своем действовали отдельно друг от друга, без четкой организации, лишь иногда объединяясь в городские ремесленные союзы. Несколько следующих императоров, а затем и королей-варваров, захвативших земли империи, поддержали идею развития ордена из-за большого количества темных существ в мире.

Довольно долгое время штаб-квартира стражей находилась в Прогансу, но из-за конфликта с королевским домом

этой страны стражи перебрались в Альбаланд по приглашению короля Ульрика Скряги.

Руководит Братством совет магистров, количество которых раньше варьировалось, а теперь равняется пятнадцати.

Бригады наемников — наемные отряды, преимущественно из Лезерберга, Фрингбоу и кантонов, служащие за деньги князьям, герцогам и торговым союзам. В отличие от наемных отрядов других стран бригады являются маленькими частными армиями, финансируемыми в основном городами и формируемыми из числа их жителей. Соответственно часть заработанного во время кампаний уходит в казну города-покровителя.

Бробергер — крупное королевство, обладающее сильной армией и лучшей артиллерией. Столица — Айзергау.

Королевство просвещенных, как его называют в других странах. На его территории расположено несколько университетов, в том числе и лучший из медицинских, созданный на основе хагжитских медицинских знаний, которые восточные люди собирали тысячелетиями. По приглашению короля в Бробергере живет большое количество лучших ученых Центрального континента, развивающих науку, а также художников и скульпторов. Бробергер является главной сокровищницей христианских святынь в мире после Ливетты, столицы Святого Престола.

Бьюргон — королевство, соперничающее с Удальном за обширные территории на юге. В данный момент у власти находится семья узурпатора — мелкие бароны, уничтожившие предыдущую династию во время восстания и захватившие королевский трон.

Валиты — монашеский орден, разбогатевший во время крестовых походов и вывезший сокровища арафейских династий из завоеванной страны. Выражение «богат, словно валиты» — очень распространено. Как говорят, валиты являются главными «спонсорами» церковных князей.

Варяы — иное существо, повелитель тумана, сам способный им становиться, если на него посмотрит человек.

Вашский университет — конкурент Савранского университета. Расположен в столице Бробергера — Айзергау.

Ветеция — королевство, имеющее большое количество колоний на островах и Черном материке, ведущее постоянные войны с хагжитами. Поддерживается Церковью ради распространения веры среди язычников дальних стран.

Виенго — иное существо. Способен принимать облик животных, чаще всего оленя. Обладают магией, жестоки, кровожадны, не любят людей и являются королями лесов.

Визаган — иное существо, опасный людоед, обладающий магией подчинения. Очень опасны и практически неуязвимы для магии.

Викты — племена варваров, населяющие Волчьи острова. В прежние времена часто совершали набеги на северо-западное материковое побережье.

Вион — третий по размеру город Фирвальдена.

Витильское княжество — горное государство, зажатое между Ровалией и Ольским королевством. Является оплотом еретических учений и колдунов. Церковь Витильска не признает законов Святого Престола, индульгенций, божественности Христа, Троицы и Непорочного зачатия Девы Марии. Благодаря сильной армии, горной местности и помощи чародеев успешно противостоит нападениям христианских государств. Имеет выход к морю и при содействии чародеев, способных противостоять блокаде на море, ведет торговлю с Хагжитским халифатом. Пользуется негласной поддержкой со стороны просвещенной знати Ровалии.

Воины Константина — цепь из статуй колоссальных размеров, протянувшаяся через все южное Прогансу с востока на запад (от восточной границы до океана). Мощные артефакты

древности, не дающие темным душам заходить в центр страны. Уничтожены Носителями Чистоты после изгнания стражей из Прогансу.

Гестанские княжества. Обычно различают Западное и Южное — крупные княжества, и Северное, Белое, Лиловое, Лесное, Свиное и Громкое — более мелкие княжества. Все они заключили между собой военный и торговый союз. Товары торговцев из соседних областей Гестанства не облагаются налогом, введены законы, смягчающие наказание гостей. В княжествах живут крупные общины иных существ.

Гилин — иное существо. Умеет читать мысли и насылать кошмарные видения. Всеядны, ненавидят людей и особенно — клириков. Обитают в городах в человеческом образе, сильные колдуны.

Грейн — крупнейшая река Центрального континента, берущая свое начало в Вальзофской горной цепи и протекающая через несколько стран.

Гьендайвье — иное существо. Госпожи страсти, обладающие сильной природной магией, смущающие людей желаниями, умеющие управлять своими жертвами на расстоянии. Одна из древнейших рас на Центральном континенте. Уничтожены во время нескольких военных походов, организованных церковью.

Далекie острова — архипелаг, открытый мореходами Ветции.

Дерфельд — один из городов государства Фрингбоу, славящийся своей наемной бригадой. Находится на отрогах Агалаческих гор, которые в свою очередь являются частью Вальзофской горной цепи.

Дискульте — самая южная страна Центрального материка. Именно там находится знаменитый Каменный мыс, где последние годы жил и умер апостол Петр. Мыс — святое место для каждого верующего, и ежегодно в июне множество па-

ломников из всех стран приходят туда, чтобы поклониться святым мощам и получить прощение всех грехов.

Еретические государства — Витильское княжество и Золян.

Есфар — жаркая страна, завоеванная хагжитами и считающаяся родиной множества арафейских пророков, живших там до исхода в Арафею.

Жгун — иное существо. Лесной житель, обладающий сильной природной магией огня, из-за чего по ошибке был причислен к адским созданиям. Уничтожение жгунов ни к чему хорошему не привело. Несколько сотен этих существ едва не сожгли Ливетту и остановились только тогда, когда Папа вышел к ним и дал слово, что их оставят в покое.

Законники — *см.* Орден Праведности.

Знак — мощная атакующая магия стражей, видимая обычным людям и имеющая разнообразные формы и размеры.

Золян — одно из двух еретических государств, союзник Витильского княжества. В отличие от последнего, там верят в целый пантеон богов и лесных духов, настороженно относятся к стражам. На территории болот Золяна находится прямая дорога в ад, через которую периодически на Центральный континент проникают демонические сущности. Дружины Золяна сдерживают нечисть без церковной помощи, что тоже является ересью, но благодаря их полезности на общем собрании христианских государств было решено не трогать Золян, не насаждать там истинную веру и предоставить их самим себе, во всяком случае, пока Церковь будет не готова объявить новый Крестовый поход.

Илиата — некогда часть одной большой страны, уничтоженной взрывом мощного вулкана из-за появления из его жерла демонов несколько тысячелетий назад. На данный момент — отдельное государство, почти три сотни лет находящееся под гнетом хагжитов, но отвоеванное во время восста-

ния христианских жителей, поддержанных финансовой помощью со стороны Церкви, флота Ветедии и десанта Дискульте.

Иные существа — общее название других рас, живущих рядом с людьми.

Искровик — иное существо, родственное жгунам, но в отличие от последних обладает магией огня только в период новолуния.

Йомернская порода — порода собак, выведенная в Ньюгорте. Свирепые, лохматые псы славятся тем, что на всю жизнь признают только одного хозяина и слушаются только его приказов.

Каварзере — герцогство, расположенное на полуострове Южного моря. Знаменито своими винами, лошадьми и святыми местами.

Кайзервальд — Королевский лес, или Темный лес. Большой лесной массив в Бьюргоне, прибежище иных существ.

Каликвец — боевой монашеский орден. Воины Господни. Проявил себя в крестовых походах, в борьбе с нечистью и колдунами. Монахи ордена обладают сильнейшей церковной магией и являются великолепными бойцами.

Каменные феи — иные существа. По слухам, исполняют желания, требуя за это безымянный палец.

Кветы — сказочные духи-паучата, по легенде, ткающие саваны для праведников. На самом деле — иные существа, обитающие в дуплах деревьев возле заброшенных дорог. Попросить их о помощи может только сильная ведьма.

«Кодекс теней» — законы Братства, которые предписано исполнять всем стражам. Например: уничтожать только темные души, владеть только одним кинжалом, регулярно сда-

вать кинжал на проверку для учета собранных душ, подчиняться приказам магистров и пр.

Копняк — иное существо. Может взаимодействовать с душами, обладает волшебными способностями, живет преимущественно в стогах, может причинять вред крестьянам, если его не задобрить.

Котерн — столица королевства Фрингбоу.

Кровавый буран — неизвестное явление, раз в десятилетие появляющееся на пустующих трактах, заброшенных лесных дорогах и уничтожающее все, что встречается на его пути.

Лавендузский союз — или Торговый союз Четырех братьев. Создан в Альбаланде на основе частного купеческого предприятия. На нынешний момент является богатейшей торговой организацией с представительствами во всех странах и во многих городах.

Лагонеж — княжество на западе материка, поддерживающее стражей и отказывающееся вступать в союз с Прогансу. Знаменито тем, что десять Пап подряд были выбраны из числа кардиналов Лагонежа.

Лезерберг — главный соперник и враг княжества Фирвальден, претендующий на его территорию.

Ливетта — столица Литавии. Здесь расположен Святой Престол.

Лисецк — столица Бьюргона.

Лисецкий бунт — знаменитый бунт, возникший среди черни, недовольной городской управой, отменившей праздничные мероприятия из-за отсутствия денег и плохой погоды. Пущенный кем-то слух, что все деньги украл бургомистр и на этот раз дармовой выпивки не будет, привел к четырехдневным уличным боям, погромам, пожарам, мародерству и гибели большого количества людей. Бунт был жестоко подавлен

королем, по приказу которого в город были введены части регулярной армии. Зачинщиков четвертовали на центральной городской площади.

Литавия — сообщество городов-государств, княжеств и герцогств, объединенных в одну страну под знаменем Святого Престола.

Лонн — столица Удальна.

Люс — один из кантонов, также называемый кантоном ведьм из-за того, что здесь прошла самая крупная единовременная казнь ведьм (четыреста три ведьмы).

Малисски — женский монашеский орден.

Мальм — столица Лезерберга.

Нарара — морская держава, соперничающая с Альбаландом и Ветецией в распространении влияния на заморские земли. Единственная страна Центрального континента, на территории которой обитали демоны. Христос изгнал их отсюда и запечатал адские врата.

Носители Чистоты — государственная организация, созданная в Прогансу и охотящаяся на территории страны за стражами. Состоит преимущественно из фанатиков, выискивает и уничтожает стражей, а также тех, кто им сочувствует и симпатизирует.

Ньюгорт — островное государство, некогда одно из самых могущественных, возникшее после развала империи, когда та была покорена варварами. Именно в Ньюгорте в то время базировался последний из великих легионов. В последующие шесть сотен лет королевство захватило обширные территории на Центральном континенте, но спустя время потеряло их после ряда неудачных военных кампаний. Последние отошедшие от Ньюгорта территории стали называть Альбаландом.

В данный момент существует обособленно и закрыто для посещения чужаков.

Одушевленные — предметы, в которых по непонятным причинам зародилась светлая или темная душа. Достаточно редкое и малоизученное явление. Сильные одушевленные могут на некоторое время покидать предмет и бродить в его образе. Чем сильнее одушевленный, тем дольше он может обходиться без возвращения в свою «оболочку».

Озиварис — иное существо, огромный подземный житель-червь.

Окулл — разновидность темной души. Очень опасна, отличается большим проворством. Даже маленькая рана от когтей окулла является смертельной.

Ольское королевство — основной враг Чергия, претендующий на его территорию и вот уже вторую сотню лет пытающийся добиться от Ливеттского Престола буллы, признающей исконное право за королевской династией Ольска владеть спорными территориями.

Орден Праведности (*Lex prioria. Lex talionis*) — организация, считающая стражей опасными, созданная на основе финансирования нескольких правительств из числа стражей-бунтовщиков. На данный момент исполняет роль полицейских, контролирующих действия Братства. Люди Ордена имеют точно такой же дар, как стражи (т. е. видят души), но в большинстве своем их магические возможности гораздо слабее, и они не охотятся на темных сущностей.

Орденом управляют жрецы.

Первые — королевская династия Прогансу, потомки которой в той или иной степени в данный исторический период находятся на престолах множества других государств. Основателем династии Первых был император Константин.

При — небольшое морское государство южнее Фирвальдена.

Прогансу — крупное королевство на западе Центрального континента, одно из ведущих на политической арене. Известно тем, что не допускает стражей на свою территорию, где Братство находится вне закона.

Конфликт со стражами возник после того, как Братство отказалось (по другими источникам — не смогло) помочь в спасении королевской династии Первых от темных душ. Из-за бездействия стражей все прямые потомки императора Константина были уничтожены, Братство объявлено преступниками и изгнано из страны. Большое количество стражей погибло там из-за того, что их объявили вне закона. С тех пор доступ стражей в Прогансу запрещен, их функции разделили между собой Церковь, Носители Чистоты и Орден Праведности, хотя справляются они с сильными душами из рук вон плохо, поэтому несколько юго-западных провинций государства считаются опасными для жизни, так как там развелось большое количество темных душ.

Псы Господни — отдел церковной инквизиции, владеющей магией и борющейся не только с обычной ересью, но и с колдунами, ведьмами и порождениями ада.

Пулу — столица При.

Ржав — иное существо, часто недружелюбное к людям. Умеет приманивать золото.

Риапано — столица веры, город-замок, расположенный в центре города Ливетта.

Ровалия — вторая страна на Центральном континенте, где стражи находятся вне закона в связи с тем, что государство не желает платить Братству за контроль над душами. Ровалия единственная страна, где по необъяснимой причине не появляются темные души.

Рубежное королевство — некогда единое государство, теперь разделенное на три: Чергий, Витильска и Ольское королевство.

Ругару — иное существо-получеловек. Порождение древнего проклятия, часто — плод любви ведьмы и демонической сущности. Порой ругару называют оборотнем, хотя к обычным вервольфам он имеет крайне отдаленное отношение и ближе к нечисти, адским псам и темным терьерам ночи.

Руже — столица Прогансу.

Савранский университет — старейший университет Центрального континента, главный конкурент Вашского университета. Был основан по приказу сына императора Константина. Среди выпускников университета большое количество известнейших ученых, писателей, художников, философов и врачей, изменивших представление о науке и искусстве.

Садодд — библейский город на территории Арафеи, где жили солдаты императора Селестина. Город, погрязший в грехе и уничтоженный ангелами Господа за один час вместе со всем населением.

Сарон — княжество на юге Центрального материка, где большинство жителей — потомки хагжитов, смешавшиеся с местным населением. В Сароне правит султан, а не князь, но вместе с тем в государстве христианская религия. Сарон славится своей непримиримой позицией, противящейся истинной хагжитской вере богатством, роскошью, дорогими дворцами и фейерверками. В княжестве уничтожаются любые иные существа и не запрещено рабство.

Саронский шелк — производится в Сароне, единственной стране на Центральном континенте, обладающей секретом разведения шелкопряда. Саронский шелк является ценной роскошью, за которую в былые времена покупались целые графства.

Сигизия — часть некогда цельной страны (другая часть — Илиата), уничтоженной взрывом огромного вулкана. Остров до сих пор находится под властью хагжитов и является прибежищем для хагжитских пиратов.

Скирр — иное существо, внешне похожее на бородатого карлика, живущее под землей, в пещерах, в горах. Обладает сильной магией земли, недружелюбен к людям.

Солезино — столица герцогства Каварзере.

Старга — иное существо. Кровопийца, охотящаяся на людей. Обладает сильной магией исцеления. Чтобы жить, старге требуется пить кровь один раз в месяц, сельдерей является для нее смертельным растением.

Степняна — иное существо.

Стражи — представители Братства, люди, обладающие способностью видеть души и одушевленных. Охотники за темными душами.

Темнолесье — самый загадочный из лесов, занимает территорию, равную целой стране, на острове в море. Последний оплот иных существ.

Темные души — сущности, остающиеся после смерти некоторых грешников, способные переродиться и изменять облик, который сильно отличается от человеческого. Остаются в этом мире, так как боятся суда и ада. Причиняют вред живым людям, за счет которых и существуют в нашем мире.

Тинник — иное существо. Водяной.

Топлун — иное существо. Охотится на людей, утягивает в омут, где пожирает.

Топляна — иное существо, недружелюбно настроенное к людям.

Тринс — второй по величине город Фирвальдена.

Удальн — герцогство, конкурирующее с Бьюргоном. За последние сто лет воевало с ним восемь раз.

Фалед — столица кантона Лис. Здесь добывают руду, из которой делают фаледскую сталь.

Фигура — одна из сторон магии стражей. *Фигура*, в отличие от *знака*, невидима обычным людям, гораздо менее разрушительна и в основном применяется не как атакующее заклинание, а как способ ослабить душу, вынудить ее появиться, отступить и т. п. Впрочем, существуют и атакующие *фигуры*, но их мало.

Физ — иное существо. Живут в лесу, часто впадают в спячку и срастаются с деревьями в единый организм.

Фирвальден — княжество, воюющее с Лезербергом. Известно в основном торговыми союзами и вольностями, а также тем, что когда-то поддержало идею создания Ордена Праведности, выделив стражам-бунтовщикам большие денежные кредиты.

Фрингбоу — небольшое государство, разделенное горной цепью на две половины.

Хагжиты — жители восточных стран, которым запрещен въезд в большинство христианских государств, если на то нет особых разрешений или распоряжений. Несколько общин хагжитов (в основном купцов) есть в южных странах Центрального континента.

Чергий — некогда одна страна с Ольским королевством, отколовшаяся от него после войны за престол. Чергий и Ольское королевство до сих пор спорят, какая из династий имеет большее право находиться на троне, и не могут решить вопросов независимости государств.

Шапри — иное существо, также называемое адским лесничим. Живет в симбиозе с лесом.

СОДЕРЖАНИЕ

История первая. РАСПЯТЫЙ	5
История вторая. МЕНЬШЕЕ ЗЛО	97
История третья. ЛЕЗВИЕ ДОЖДЯ	173
История четвертая. НАЛОЖНИЦА ДЬЯВОЛА	234
История пятая. ПОЦЕЛУЙ СМЕРТИ	310
История шестая. ЗОЛОТЫЕ КОСТРЫ.	356
Глоссарий	427